

— Ради кого?

Шэнь Янь на мгновение усомнился в собственном слухе и недоверчиво вскинул бровь.

Цинь Цзигуй, плечом подпиравший стену, ровно добавил:

— По крайней мере, отчасти ради тебя.

— Отчасти? — переспросил Шэнь Янь. — А в чём вторая половина?

Цинь Цзигуй без тени смущения чеканил:

— Во имя справедливости.

Шэнь Янь на секунду потерял дар речи.

Ну и размах у тебя, мастер.

Ладно, ради справедливости ещё куда ни шло, но при чём тут он сам? Что за чушь?

Вспомнив недавнюю актерскую игру Цинь Цзигуя, поражавшую своей достоверностью, Шэнь Янь насторожился:

— И какое отношение это имеет ко мне?

— Ты ведь сам сказал, что я под твоим покровительством, — Цинь Цзигуй опустил взгляд. — Не мог же я спокойно смотреть, как тебя обижают.

Шэнь Янь только сейчас сообразил, что их разговор с Фу Юнем от начала до конца долетел до ушей Цинь Цзигуя.

— Да кто под чьим покровительством! Я просто ляпнул, чтобы нагнать на них страху, не бери в голову. И вообще, тех крашенных я сам оттаскал так, что они сопли размазывали. Ещё неизвестно, кто кого обидел! Так что разберись сначала, а потом лезь защищать, — буркнул Шэнь Янь, отворачиваясь с недовольной миной.

Поколебавшись секунду, он нехотя выдавил:

— Фу Юнь на тебя давно желчью брызжет. Не слушай этот бред, не принимай близко к сердцу — только мозг замараешь.

Шэнь Янь и сам толком не понимал, разыграл ли Цинь Цзигуй спектакль перед Хуан Шуляном или ему действительно было паршиво. Но глядя на его холодную отстранённость, он невольно вспоминал, как в детстве Цинь Цзигуй часами сидел один на крыльце и неподвижно смотрел куда-то вдаль.

Сложно выразить то чувство словами — просто в груди всё сжималось от какой-то тяжести.

Впрочем, сам Цинь Цзигуй, похоже, ничуть не переживал. Он оставался всё таким же собранным и безучастным:

— В чём-то они правы. У меня действительно нет ни отца, ни матери, и я живу из милости.

От этих слов Шэнь Янь мгновенно вспыхнул. Развернувшись, он рывкнул на него в сердцах:

— Из какой ещё милости?! Тётя Цинь и дядя Цзянь к тебе плохо относятся? Или мои дедушка с бабушкой? Да моя мать только и делает, что тебя нахваливает, а меня ругает! Я хоть раз жалел для тебя любимые вещи? Чем ты, молодой господин Цинь, обделён? Чьи лизоблюды? В чём эти ублюдки правы?!

Глядя на то, как Шэнь Янь искренне кипит и выходит из себя, Цинь Цзигуй не сдержался — уголки его губ чуть заметно вздрагивали.

Шэнь Янь, распалившийся на полуслове, заметив эту ухмылку, окончательно вышел из себя:

— Ты чего лыбишься?! Заткнись и не смейся!

— Ладно, не буду, — Цинь Цзигуй мгновенно сглушил улыбку и серьезно посмотрел ему в глаза. — Посему и говорю: я пошёл к тем крашеным ради тебя. В детстве я обещал: если кто-то тебя обидит, я отыграюсь за тебя. Слово надо держать.

Он говорил тихо, но когда Шэнь Янь встретил его прямой взгляд, в груди словно пропустил удар глухой молот.

Значит, Цинь Цзигуй вовсе не поставил девчонку выше друга.

Он ничего не забыл. Он помнил детское обещание и, едва узнав, кто оцарапал Шэнь Яню лицо, тут же пошёл сбивать с них спесь.

Вот как всё было.

А ведь сам он вчера устроил такую дикую вспышку гнева...

Шэнь Яня накрыла волна стыда и вины.

Впрочем, считать себя кругом виноватым он тоже не спешил: слова, сказанные Цинь Цзигуем год назад, ранили слишком больно. К тому же за весь прошлый год Шэнь Янь не раз намеками и делами пытался пойти на сближение, но Цзигуй упорно делал вид, будто ничего не замечает, сохраняя ледяную дистанцию. Даже накануне своего дня рождения он держался подчеркнуто отстраненно.

Шэнь Яня всё ещё точила обида.

И дело было даже не в извинениях. Ему казалось, будто Цинь Цзигуй что-то недоговаривает, и если спустить всё на тормозах, внутри так и останется этот колючий осадок.

И вот он стоял — одновременно сгорая от стыда и продолжая злиться. Слова застряли в горле, на лице застыло мрачное упрямство.

Цинь Цзигуй, словно прочитав его мысли, ровно произнес:

— Одно другому не мешает. Прошлое — это моя вина, и ты имеешь полное право меня не прощать.

Его голос и лицо оставались прежними — бесстрастными, глубоко спокойными. Но Шэнь Янь почему-то отчетливо разглядел за этой непроницаемой маской тень мимолетного одиночества и затаенной боли.

Вина уколола сердце ещё сильнее.

Может, он и впрямь слишком перегнул палку?

Может, проявил мелочность?

Вдруг Цинь Цзигую действительно паршиво?

Может... стоит его просто простить?

В голове Шэнь Яня бушевала отчаянная буря, но прежде чем он успел принять решение, пронзительный треск звонка на утреннюю самоподготовку врезался в уши, заставив его судорожно сморщиться.

Цинь Цзигуй воспользовался паузой и выпрямился:

— Идем в класс. Я помогу тебе перенести парту.

Шэнь Янь обомлел:

— А?

Какую ещё парту?

... А, ту самую.

Чёрт!

Ту самую парту!!

До Шэнь Яня только сейчас дошло: все эти амурные разборки — сушная ерунда! Впереди его ждал как минимум месяц заключения в «блаженном месте», где с трёх сторон стены, а с четвёртой — глубокая пропасть!

Мозг мгновенно включился:

— погоди, не надо ничего переносить! Иди один, а мне дай этот урок, чтобы попрощаться с Чжу Пэном и Го Ю!

Бросив эту фразу, он помчался в кабинет шестого класса. Рухнув на свое место, Шэнь Янь судорожно зашарил руками в недрах парты, выуживая телефон.

Напор был настолько стремительным, что сидевший впереди Чжу Пэн, который только-только оправился от утреннего испуга и уронил булочку, на этот раз роняя от неожиданности печенье.

Даже сидевший рядом Го Ю не выдержал:

— Брат Янь, ты чего метаяешься, будто за тобой погоня? Что ищешь?

Шэнь Янь даже не поднял головы:

— Представь: перед тобой сажают третьего ученика в параллели, сбоку — второго, а за спиной — первого. Причём один из них — глава отдела дисциплинарного контроля, второй — председатель ученического совета, а с оставшейся стороны за тобой непрерывно пасет Хорёк. И так целый месяц. Твои действия?

Го Ю выложил без колебаний:

— Либо депрессия, либо сразу в гроб.

Шэнь Янь кивнул с мрачной солидарностью:

— Вот и я о том же.

Но он был слишком молод, он хотел жить! К тому же он обещал госпоже Сюй в новом году расти добрым, смелым и счастливым. А значит, спасение утопающих — дело рук самого утопающего!

Шэнь Янь быстро разблокировал экран, смахнул к приложению «Исполнение желаний» и вбил запрос:

[Хочу, чтобы Хуан Шулян забрал назад свою бредовую идею с "блаженным местом"]

После чего замер в нервном ожидании.

Однако на этот раз белый кружок загрузки крутился неоправданно долго. Система словно зависла, не давая ни отказа, ни одобрения.

Шэнь Янь закусил губу, нервно побарабанив пальцами по стеклу. Градус паники нарастал.

Го Ю наконец сжалился:

— Брат Янь, да что стряслось-то? Ты ждёшь весточки от кого-то?

«От Всевышнего», — мысленно отрезал Шэнь Янь.

Вслух он этого, понятное дело, не произнес — не хватало ещё прослыть умалишённым. Поэтому он бросил сквозь зубы, даже не взглянув на друга:

— Ты веришь, что в мире реально существует система исполнения желаний?

Го Ю откликнулся без секунды раздумий:

— Ну естественно.

Чжу Пэн с передней парты тоже обернулся, вставляя свои три копейки:

— И я верю!

Шэнь Янь удивленно вскинул бровь.

Го Ю отчеканил с самым серьезным видом:

— Только веруя в систему исполнения желаний, можно верить в существование Хогвартса. А это значит, что в следующем году мне не придется сдавать госэкзамены!

Чжу Пэн благоговейно подхватил:

— И вообще, мы должны верить в Свет! — И после паузы добавил: — Цитата из «Ультрамана Диги».

Шэнь Янь смерил их взглядом:

Два психа.

Впрочем, общество парочки сумасшедших было куда милее перспективы оказаться под надзором тюремщика. Стоило Шэнь Яню представить, как ледяная физиономия Цинь Цзигуя — неотличимая от карательного ИИ — будет маячить у него за спиной по пятнадцать часов в сутки, как жизнь теряла всякий смысл.

К счастью, после того как он истыкал экран вдоль и поперек, интерфейс дернулся, колесико замлело и на экране вспыхнули долгожданные слова:

[Заявка одобрена]

Слава небесам! Этим инструментом ещё можно было вытащить себя из петли. Тюремный срок отменяется.

Шэнь Янь облегченно перевел дух. Выпрямив затекшую спину, он лениво ткнул в карточку задания, готовый навстречу новому рассвету... и замер на полувдохе.

На экране аршинными буквами чернела надпись:

[Задание желания: Сдать следующий пробный экзамен по всем предметам на проходной балл]

По... всем?

На проходной?!

Да будь у него такие познания, разве отправлял бы его Хорёк в это необитаемое «блаженное место»?!

Что за дырявая система?!

Она вообще способна хотя бы немного сопереживать своему пользователю?!

Шэнь Янь закипел от злости. Он уже занёс палец, чтобы вбить новое желание: [Хочу сдать следующий экзамен на проходной балл], как система беспощадно выдала:

[Лимит желаний на этой неделе исчерпан. Попробуйте на следующей]

Шэнь Янь в сердцах швырнул телефон в глубину парты, с размаху откинулся на спинку стула и бессильно уронил руки. Его взгляд остекленел, обретая выражение человека, которого ведут на плаху.

Го Ю и Чжу Пэн больше не могли сдерживать любопытство:

— Брат Янь, да что с тобой? Ты ж просто в туалет сходил, а вернулся без лица!

Шэнь Янь раскинулся на стуле. На его каменном лице двигались только губы:

— Я там встретил Хорька.

— И?

— И он сказал, что мой результат на пробном — абсолютно наихудший среди технарей за последние пять лет.

— И что из этого?

— Поэтому мне оказана особая честь.

— Какая?

— То самое «блаженное место», о котором я вам только что рассказывал.

В кабинете закипела тишина.

Шэнь Яню показалось, будто в тот миг, когда его голос затих, все живые существа в радиусе поражения одарили его взглядом, каким провожают воинов, уходящих на верную смерть.

И ещё сочувствием.

Невзирая на лица, глубоким, трагическим сочувствием.

— Брат Янь, держись. Путь довёл до края, но братва с тобой до этого рубежа и прощается, — Чжу Пэн с глубокой скорбью поднял с пола упавшее печенье и обеими руками торжественно уложил его на учебник литературы Шэнь Яня.

Шэнь Янь едва удержался, чтобы не спустить с него шкуру.

Лишь Го Ю проявил капли человечности, попытавшись ободрить:

— Ладно тебе, Брат Янь, всё не так беспросветно. Вдруг на деле всё окажется не так дико, как кажется? Линь Цянь ты и сам знаешь — девчонка душевная, с ней проблем не будет. Да и Цинь Цзигуй не то чтобы совсем бессердечный сухарь. Понятие о чести у него есть, так что выдержишься как-нибудь.

— Вот-вот, Брат Янь, взгляни на всё проще, они оба нормальные ребята, — поддержал Чжу Пэн.

Шэнь Янь опешил:

—?

Эти двоих обычно от одного имени Цинь Цзигуя трясло! Они ж пересказывали легенды о нём как о лютном демоне из преисподней! С чего вдруг такая смена курса?

Шэнь Янь хмуро уставился на Го Ю.

Тот сначала растерялся, а потом догадался:

— Брат Янь, ты что, ещё не заходил на форум профессионального лица?

При упоминании лица взгляд Шэнь Яня мгновенно заledenел:

— Слышал от Чжу Пэна.

— Да я не про то, — Го Ю протянул ему свой телефон. — Там новые подробности! Линь Цянь лично вышла в сеть и обелила Цинь Цзигуя. Настроения полностью изменились!

На экране светился свежий пост.

Заголовок гласил:

[Уведомление об инциденте столкновения ученика нашей школы Цинь Цзигуя с гражданином Хуаном и другими]

Автор: Линь Цянь

Текст сообщения:

«По поводу слухов, гуляющих по вашему форуму о том, якобы Цинь Цзигуй из нашей школы учинил драку с вашим Хуаном и его компанией из-за любовных интриг, мне, как непосредственной участнице событий, есть что сказать.

Во-первых, Цинь Цзигуй поднимал шумиху не на пустом месте. Вечером 1 июля и днём 3 июля вышеупомянутый гражданин Хуан вместе со своими сообщниками у задних ворот нашей школы позволил себе гнусные домогательства в мой адрес — как вербальные, так и физические. А днём и вечером 6 июля дошёл до прямых оскорблений (доказательства и показания свидетелей приложены ниже).

Поэтому мой одноклассник, сидящий за соседней партой — и по совместительству самый принципиальный парень нашего класса, — Цинь Цзигуй предпринял соответствующие меры. Он помог гражданину Хуану и его кампании с их низкими моральными устоями осознать всю глубину собственных ошибок и взять обещание больше никогда так не делать.

Этот поступок — проявление благородства, защита слабых и уважение к женщинам! Это не имеет ничего общего с хулиганством, о котором вы тут распускаете слухи (прилагаются личные признания гражданина Хуана и его подельников, смотрите ниже).

Во-вторых, нас с Цинь Цзигуем связывают исключительно сухие учебные отношения. Да, я хороша собой, а он чертовски красив, вот только я целиком сосредоточена на Цинхуа, а он рвется в Бэйда. Никаких иных мыслей, кроме здорового соперничества, у нас друг к другу нет и быть не может. Прилагаю скриншот переписки:

[Линь Цянь: Цинь Цзигуй, тут говорят, будто я тебе нравлюсь~]

[Цинь Цзигуй: Не нравишься.]

[Цинь Цзигуй: Использование телефона во время утренней самоподготовки. Минус три балла за поведение.]

[Линь Цянь: ???]

Если кто-то после этого скрина продолжит утверждать, будто он в меня влюблён — сходите к психиатру, вам помогут.

В-третьих, резюмирую: Цинь Цзигуй из нашей школы любит учебу, чтит закон, полон чувства справедливости и не замечен ни в чём предосудительном. А вам, лицеистам, делать больше нечего? У вас суммарный балл за шесть предметов ниже, чем у него за один, а вы всё сидите тут, кости перемываете да сплетни плодите. Даже если ваши мозги по форме напоминают прямой кишечник, это не значит, что их нужно набивать тем же содержимым. Так что советую сидеть тихо и не нарываться, а то после двойного нокаута — интеллектуального и физического — уйдёте в глубокую депрессию, став обузой для общества».

Ниже Линь Цянь выложила скрины, где крашенные во всех подробностях признавали свою вину. Лицеисты, пытавшиеся было качать права, мгновенно сдулись: против фактов не попрёшь.

А когда Го Ю со своей компанией подключили армию фейков, вознося Цинь Цзигуя до небес и смешивая хулиганов с грязью, нелепая драма завершилась разгромной победой.

И ведь Линь Цянь выкатила этот пост вовсе не ради себя. Любая другая девушка на её месте предпочла бы отмолчаться, чтобы не привлекать внимания.

Но она, услышав сплетни, решила отблагодарить Цинь Цзигуя и восстановить справедливость.

Судя по всему, девчонка и впрямь оказалась мировой.

Что же до Цинь Цзигуя...

Шэнь Янь ушел в свои мысли, пока Го Ю сокрушенно качал головой:

— Честно говоря, не ожидал от Цинь Цзигуя такой горячности. Я-то грешным делом думал, он вообще сухой бесчувственный робот.

— Вот-вот! — Чжу Пэн дожеввал печенье и поддакнул: — И вообще, если вспомнить: он же

сколько раз палил нас с телефонами, а изъять — ни разу не изъял!

Го Ю задумался:

— В точку. Мелкие баллы он, конечно, сдирает исправно, но чтобы бегать к классруку с доносами — никогда. Да и на парочки сквозь пальцы смотрит.

— Ага! И тот антисептик с бинтами, что Чэнь Юйбай принёс для Брата Яня — это ведь тоже Цинь Цзигуй купил.

Шэнь Янь мгновенно вскинул голову:

— Что купил?

Чжу Пэн с невинным видом хлопал глазами:

— Ну, йод и ватные палочки. Мне вчера Чэнь Юйбай между делом обронил, когда мы в онлайн играли. Брат Янь, ты что, не знал?

Он не знал.

Шэнь Янь замер.

Значит, в тот день Цинь Цзигуй вовсе не прошел мимо его ссадин. Он не просто ввязался из-за него в драку, но и позаботился о лекарствах. И молчал об этом лишь потому, что они были в ссоре.

А вчера он принес этот чертов торт с дурианом и извинился.

А сегодня заступился перед Хорьком.

И как же он сам всё это время с ним себя вел? Ни единого теплого слова. Сплошной лед.

Шэнь Янь напрочь забыл, как больно и обидно ему было год назад, когда ему ни с того ни с сего объявили бойкот; забыл, как весь этот год переступал через гордость, пытаясь наладить связь, и каждый раз натыкался на глухую стену. Внутри всё сжалось от подступающей жгучей тоски.

Не успел он разложить это ощущение по полочкам, как за спиной раздался ровный голос:

— Самоподготовка подходит к концу. Хуан Шулян велел помочь тебе с вещами.

Шэнь Янь обернулся. Цинь Цзигуй уже стоял в дверях класса — спокоен и собран.

— А, — только и выдавил Шэнь Янь, забыв заранее заготовленные колкости.

Цинь Цзигуй привычным движением поднял с пола его рюкзак и принялся аккуратно и методично складывать в него вещи с парты.

Его длинные, бледные, безупречные пальцы мелькали перед глазами Шэнь Яня, и ссадина на тыльной стороне ладони болезненно резала взгляд.

Не слишком глубокая, но длинная — тёмно-бордовая росчерком перечеркивавшая кисть. На этой идеальной руке, созданной для смычка, клавиш и каллиграфических почерков, она смотрелась дико и инородно.

Это была рука первого ученика города.

Шэнь Янь закусил губу:

— Болит?

Цинь Цзигуй даже не поднял головы:

— Терпимо. Я не часто дерусь, опыта мало, так что без царапин не обошлось.

Ну конечно.

Откуда у такого правильного мальчика опыт в уличных драках? Кабы не эта история, он бы ни за что не стал пачкать руки.

Да ещё и один против нескольких! Эти крашенные наверняка зажали его в угол. Неизвестно, сколько у него ещё синяков скрыто под формой.

А он вчера только и делал, что орал и язвил, даже не спросив, как тот себя чувствует.

Эгоист.

Шэнь Янь почувствовал, как к горлу подступает ком. Поколебавшись, он неловко буркнул:

— Слышь... ты чай с шариками будешь?

Цинь Цзигуй замер и перевел на него взгляд.

Шэнь Янь, страшась выглядеть виноватым или слабаком, тут же выпрямил спину и проговорил с максимально независимым видом:

— В смысле, я в обед всё равно буду покупать, и, скорее всего, возьму лишний стакан. Если хочешь — отдам тебе. Ничего такого, просто чтоб не пропал.

Цинь Цзигуй три секунды молча смотрел в его честные, но отчаянно смущенные глаза. Затем едва заметно опустил веки:

— Давай. Я люблю послаще.

<http://bllate.org/book/20611/2122329>